A 70 93

A 70
93

СЛОВА,

ГОВОРЕННЫЯ

Въ Московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ:

I

На день Рожденїя

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

II

На день Рожденїя

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Московскаго первокласнаго Ставропигіальнаго Донскаго монастыря Архимандритомъ *Амвросіемъ*.

МОСКВА.
Въ Сѵнодальной Типографіи,
1817 года.

Съ Одобренія Московской Духовной Цензуры.

2007465737

СЛОВО I.

Аще законъ совершаете царскїй, по писанїю: возлюбиши искренняго своего, якоже себе самаго, добрѣ творите.

Іаков. гл. 2, ст. 8.

Добродѣтель всегда и вездѣ любезна и уважительна. Она на престолѣ царскомъ — Божество; въ чертогахъ опличенныхъ жребіемъ и достоинствами великихъ и сильныхъ земли, — то благотворное свѣтило, которое, разсыпая лучи свои, все освѣщаетъ, все животворитъ и все исполняетъ благости; въ хижинахъ смиренныхъ, вертепахъ мрачныхъ, пустыняхъ безмолвныхъ — присноцвѣтущая роза, кринъ райскій, зерцало невинности.

Время, всесокрушающимъ своимъ жезломъ все разрушаетъ и повергаетъ невозвратно. Но храмъ добродѣтели стоитъ на твердѣйшихъ, нежели адамантовые, столпахъ. Слава, честь и миръ держатъ оной, и пмочисленные вѣки

7172-0

поколебать его не могутъ. *Слава и честь и миръ всякому дѣлающему благое* (а)!

Едино токмо злобное завидѣніе смотритъ на добродѣтель издали, боясь, дабы приближившись, не плѣнилься ея взоромъ. Но когда она облекается въ виссонъ благотворенія: тогда и противъ воли человѣка, привлекаетъ къ себѣ сердце человѣка.

Въ сей приснопамятный для Россіи день, въ которой предъ лицемъ неба и земли торжественно воспоминаемъ рожденіе Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ нашего ЦАРЯ, ИМПЕРАТОРА и САМОДЕРЖЦА АЛЕКСАНДРА I-го, въ сей самый день, что наипаче и сердцемъ и устнами чтимъ и прославляемъ, какъ не порфироносную любовь къ общему добру?

Но чтобъ сія любовь, по словамъ Апостола Іакова, была въ насъ такова, какову сами къ себѣ имѣемъ, для сего положимъ въ основаніе оной: *во 1-хъ человѣколюбіе, во 2-хъ взаимное соединеніе пользъ и выгодъ, и наконецъ въ 3-хъ отношеніе наше къ Отечеству.* — Сіе въ честь настоящаго

(а) Римл. гл. 2, ст. 10.

нашего всерадостнѣйшаго Торжества кратко разсмотримъ.

Свойство человѣколюбія требуетъ любить людей потому, что они намъ подобны. Здѣсь никакого не имѣетъ мѣста и вліянія ни частная, ни семейственная, ни личная, ни общая выгода. Любовь къ человѣкамъ во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ была, можно сказать, стихіею сердца человѣческаго, или тѣмъ непремѣняемымъ закономъ, у котораго ни грубость воспитанія, ни предразсудки, ни страсти, столько другихъ блистательнѣйшихъ законовъ помрачившія, не могли отъять блеска и ясности. Было время, когда, среди непроницаемой тьмы невѣжества, столько въ небѣ считали боговъ, сколько земля вмѣщала въ себѣ преступленій и пороковъ; когда тучныя приносили жертвы предъ кумирами тщеславія, неправды, вѣроломства и сладострастія: но никогда и нигдѣ ни едина еще рука не воздвигала жертвенниковъ и не возжигала ѳиміама на олтаряхъ жестокости и нечувствительности къ человѣчеству. Среди

всеобщаго расплѣнія нравовъ и нарушенія самыхъ священныхъ правъ человѣческихъ, одна только любовь человѣка къ человѣку осталась цѣлою и невредимою.

Но сколько она не ограничивается временемъ, столько и разнообразными отношеніями человѣка къ человѣку. Желаніе видѣть всѣхъ подобныхъ себѣ счастливыми столь же намъ свойственно, сколь естественно именоваться существами разумными. Въ радости и счастіи ближняго не можемъ не упоеваться восхитительными чувствованіями. Но единъ видъ его печали возмущаетъ и потрясаетъ нашу душу; едина мысль о его бѣдствіи растворяетъ горестію сердце наше. Ни полъ, ни возрастъ, ни званіе, ни мѣсто не сильны удержать воплей сострадущаго естества. Несчастная жертва лютости мучителей сокрушаетъ ожесточеніе самыхъ мучителей. Кто бы какого ни былъ племени и языка, но имѣетъ власть надъ нашими сердцами. Пусть любимая тобою особа пронзитъ тебя до

самой крайней точки чувствительности: рана будетъ для тебя мучительна ; ибо сердце твое не каменное, а грудь не мѣдяная. Но огнь любви твоея къ ней никогда въ тебѣ вовсе не погаснетъ, ибо ты имъ животворишься. Очи видятъ иноплеменника, злодѣйскимъ мечемъ пораженнаго,— видятъ, и проливаютъ слезы. Врагъ покушавшійся отнять у насъ жизнь нашу,— сей самый врагъ, ведомый правосудіемъ на казнь, не изъемлется изъ нашего сожалѣнія. Сердце не размышляетъ: оно и подъ рубищемъ и подъ порфирою сердце человѣка. Ни хижина , ни тронъ его не премѣняетъ: оно видитъ человѣка, а не преступника. Едины токмо Каины, изверги человѣчества, чудовища природы, могутъ говорить: еда, *еда стражъ брату моему есмь азъ* (а)?

Кто любитъ другихъ потому, что они одного съ нимъ естества, тотъ можетъ ли ненавидѣть тѣхъ, съ коими соединенъ тѣснѣйшими узами общежитія?

(а) **Быт. гл. 4, ст. 9.**

Кто бы на какой ни стоялъ высотѣ чести и славы и сколькобъ ни былъ уменъ и униженъ по своему состоянію, но нужда, какъ смерть, уравниваетъ всѣхъ въ требованіяхъ взаимной помощи. Не отличіе званій произвело наши потребности, но потребности наши произвели отличіе званій. Величіе земное и зачинается во чревѣ немощей нашихъ и раждается отъ упробы болѣзней нашихъ.

Не имѣя сами по себѣ ни силъ, ни средствъ достигнуть желаемаго, неминуемо нужнаго, требуемъ содѣйствія отъ другихъ, а другіе отъ насъ. Разныя званія, разныя должности, разныя занятія, труды и подвиги; но едино имѣютъ средоточіе, едину цѣль, единъ конецъ . . . Многообразными шествуя путями, каждый изъ насъ порознь собираетъ едины токмо капли блаженства; но снося ихъ во едино, составляемъ тотъ источникъ, отъ негоже піяй, соразмѣрно совершенству земному и гладъ и жажду свою утоляетъ. Взаимное соединеніе сердецъ,

о! сколь оно вожделѣнно, благодѣтельно, драгоцѣнно, священно! составляетъ тотъ оплотъ, ту ограду, ту твердыню, къ которой приразившись хитрый врагъ, сокрушаетъ злобное свое оружіе и возвращается со студомъ и отчаяніемъ. *Сто добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (а) ? восклицаетъ порфироносный Пророкъ, и самъ Спаситель говоря, что *всякое царство раздѣлшееся на ся, запустѣетъ; и всякъ градъ или долъ раздѣливыйся на ся не станетъ* (б), научаетъ насъ, что счастіе земное зиждется на взаимныхъ силахъ и выгодахъ, что не можно быть счастливымъ, не завися отъ другихъ.

Но сія зависимость можетъ ли имѣть твердое основаніе, естьли не будетъ поддерживаема любовію, дружбою и услугами? Никакъ. Человѣкъ, доколѣ будетъ человѣкомъ, дотолѣ не престанетъ любить другихъ въ самомъ себѣ.

(а) Псал. 132, ст. 1.
(б) Матѳ. гл. 12, ст. 25.

Какія бы кто ни стяжалъ въ удѣлъ себѣ почести и преимущества ; сколько бы ни былъ счастливъ и блистателенъ въ поприщѣ славы и могущества; сколько бы ни величался обиліемъ и довольствомъ; сколько бы ни гремѣлъ своимъ знаніемъ, прозорливостію и успѣхами среди мира и войны: но естьли всѣ сіи отличія никакого не имѣютъ вліянія на улучшеніе участи другихъ; то они не другое что , какъ драгіе камни, сокрытые въ корѣ , какъ безводныя облаки, палящія зноемъ и варомъ, какъ эхи , біющія воздухъ, но не имѣющія ни знаменованія, ни силы привлекать къ себѣ сердечныя чувствія любви, признательности и благоговѣнія. *Аще*, говоритъ Апостолъ , *языки человѣческими глаголю и Ангельскими, любве же не имамъ , бых яко мѣдь звеняще, или кимвалъ звяцаяй; и аще имамъ пророчество , и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ* все *тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (а). И Самъ

(а) 1 Кор. гл. 13, ст. 1, 2 и 3.

Богочеловѣкъ, самъ Ходатай нашего блаженства, тако глаголетъ: *якоже хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде* (а). Оказывай имъ во все теченіе жизни своея любовь нелицемѣрную, дружбу искреннюю, вѣрность ненарушимую и услуги неистощимыя; будь покровителемъ напастствуемыхъ, защитникомъ гонимыхъ, наставникомъ блуждающихъ, утѣшителемъ печальныхъ, врачевателемъ скорбящихъ, помощникомъ сира и убога, прибѣжищемъ пришельца и вдовы, благодѣтелемъ и отцемъ несчастныхъ; отдай имъ, да такъ скажу, сердце свое съ его благожеланіями; — и признательность не закоснитъ воздать тебѣ сторицею за твои благодѣянія. Она будетъ благословлять всѣ твои входы и исходы, и по смерти твоей ороситъ теплыми слезами благодарности гробницу твою; пренесетъ имя твое изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ и изъ потомства въ потомство; ты будешь подобенъ той радугѣ, которой единъ

(а) Лук. гл. 6, ст. 31.

конецъ на земли, а другой въ вѣчности.

Пусть завоеватели завидуютъ, что память о ихъ силѣ и могуществѣ заглушается памятію о благотвореніи Титовъ и Траяновъ; они токмо симъ доказываютъ, что въ честь единымъ благотворителямъ человѣчества созидаются храмы вѣчные; — созидаются въ тѣсныхъ предѣлахъ сердецъ человѣческихъ; но пространство оныхъ обширнѣе всѣхъ предѣловъ міра.

Такъ, все намъ напоминаетъ о любви къ ближнему. Собственныя наши пользы и выгоды убѣждаютъ насъ въ необходимости взаимнаго ихъ сношенія и союза общежительнаго. Но изъ сей любви не можетъ не родиться любовь къ отечеству. Любя людей потому, что они намъ подобны, любя потому, что въ любви ихъ состоитъ наше счастіе, не можемъ не любить отечество.

Что есть отечество? То общество, которое управляется едиными законами, такъ какъ тѣло связывается едиными

жилами, и котораго разныя званія и должности суть такъ какъ разные члены, содѣйствующіе единъ другому, а глава — власть самодержавная. Оно охраняетъ собственность, счастіе и безопасность послѣдняго поселянина, перваго гражданина и всѣхъ вообще. Оно есть то пространное поле, гдѣ должно сѣять и собирать жатву соразмѣрно своимъ нуждамъ и потребностямъ. Оно есть то поприще, гдѣ отличается вѣра и вѣрность, любовь и заслуга, мудрость и трудолюбіе, милость и правосудіе, честность и добродѣтель, — сіи единственныя начала и подпоры истиннаго величія и благоденствія народовъ. Нѣтъ ничего полезнаго, пріятнаго, драгоцѣннаго, великаго, чѣмъ бы мы не были одолжены отечеству. Безъ него мы бы блуждали и скитались подобно скимнамъ, рыкающимъ и взыскающимъ пищу себѣ. Безъ него мы бы не имѣли ни мѣста, ни крова, гдѣ главу приклонити.

А посему и нѣтъ ничего столь близкаго сердцу нашему, чѣмъ бы гражда-

нинъ таковаго общества не долженъ былъ ему жертвовать. Родители, супруги, чада, братія, сестры, други, благодѣтели, богатство, удовольствія, слава и честь суть предметы по всей справедливости для него неоцѣненные. Но онъ ихъ покидаетъ, когда требуетъ безопасность его отечества. Онъ относитъ себя ко всѣмъ окружающимъ его пользамъ и выгодамъ, не относя ихъ къ себѣ, и не щадитъ для него даже жизни своей. Онъ оказываетъ ему ту любовь, которой, по словамъ небесной Истины, нѣтъ болѣе между человѣками, какъ *кто душу свою положитъ за други своя* (а).

Таковые преславные примѣры Россія предъ очами всего свѣта представляла и представляетъ. Россіянинъ со стороны человѣколюбія за верхъ чести и славы поставляетъ себѣ любить подобныхъ себѣ и быть — отъ нихъ любимымъ. Въ отношеніи къ взаимности одолженій онъ болѣе хвалится подчинять себя услугами

(а) Іоан. гл. 15, ст. 13.

другимъ, нежели властвовать безъ благотвореній. Отечество та для него страна, которой и самый камень для него драгоцѣннѣе всѣхъ чужеземныхъ сокровищь.— Къ какимъ доблестямъ не пролагаетъ онъ пути себѣ, и какой дани не собираетъ для себя отъ любви и признательности? На поле ли брани воззоветъ его спасеніе отечества? Но исполину нѣтъ преградъ; герой—всегда герой. Пылая ревностію къ благоденствію своихъ сограждан, къ чести ГОСУДАРЯ и къ величію Его державы на тысячи смертей безтрепетно ступаетъ, и предъ сильною Его мышцею врагъ всегда преклонялъ гордую свою выю. Должности ли общественныя требуютъ отъ него трудовъ и подвиговъ въ предѣлахъ отечества? труды — ему забава; подвиги — его честь и слава; вѣрность—его душа; судъ и милость—неразлучные его сопутники. Онъ каждую минуту жизни своей измѣряетъ тѣмъ, какъ судьбу сограждан своихъ содѣлать спокойнѣйшею. И вотъ что возвысило любезнѣйшее Отечество наше до толикаго

величія, что весь свѣтъ со удивленіемъ на его взираетъ; что самая зависть и злоба превратились въ любовь и дружбу, и ищутъ его защиты и покровительства!

Но кто сему предшествовалъ собственнымъ примѣромъ, какъ не Монархи наши? Кто и нынѣ поддерживая благоденствіе Россіи, утверждаетъ, распространяетъ, возвышаетъ и умножаетъ славу и величіе ея, какъ не Великій нашъ САМОДЕРЖЕЦЪ АЛЕКСАНДРЪ I-й? Въ ЕГО человѣколюбивомъ сердцѣ все наше сокровище; Имъ и цвѣтетъ Россія. ЕГО желанія, намѣренія, предпріятія, пруды и подвиги единственнымъ имѣютъ предметомъ наше блаженство : о Немъ и славимся и торжествуемъ. ЕГО недремленнымъ промысломъ каждое сословіе благоучрежденно , спокойно , счастливо; ЕМУ хвала и слава, честь и держава!

Боже! Ты далъ намъ Мужа по сердцу своему, Царя по сердцу нашему ; Ты сотворилъ Его высока паче царей земныхъ, умножи дни ЕГО и всего Августѣйшаго ЕГО дома, яко дніе неба! Аминь.

СЛОВО II.

Правда возвышаетъ языкъ.

Притч. гл. 14, ст. 34.

Счастіе человѣка состоитъ во взаимномъ отношеніи силъ и выгодъ человѣка: оно и возвышается и понижается соразмѣрно степенямъ сей взаимности. А посему, чтобъ утвердить оное на прочномъ основаніи и возвесть до возможной высоты совершенства, надобно собрать во единъ кругъ общежитія милліоны людей, соединить сердца ихъ любовію и единодушіемъ и направить ихъ разумъ и волю, мысли и желанія къ единому концу — благу общественному.

Любомудры къ сооруженію таковаго счастія пролагали разные пути и избирали различные способы. То законъ естественный полагали за твердое основаніе, то постановленія гражданскія выставляли за непреложныя начала, то добродѣтели свѣта почитали за необходимыя средства.

Правда, таковыя ихъ умоначертанія и предположенія величественны и бли-

стапельны; но время превратило сіе великолѣпное ихъ зданіе въ ужасныя развалины.

Человѣкъ часто мечтаетъ стать выше человѣчества. Но, о суета! правда Божія уравниваетъ его тлѣнію и праху; и всѣ его порывы и усилія, какъ утренняя роса или какъ вечерній лучь исчезаютъ.

Люди и народы! текиите неуклонно по стезямъ благоговѣнія предъ Богомъ; сооруднте Ему жертвенники изъ сердецъ вашихъ; и блаженство ваше возвеличится небомъ, и земля удивится величію Его! *Правда возвышаетъ языкъ.*

На основаніи сихъ словъ премудраго Соломона къ усугубленію настоящаго нашего Торжества разсмотримъ, что *тамъ должно искать верховнаго счастія, гдѣ духъ вѣры и благочестія царствуетъ.*

Прежде уже сказано, что міръ во всѣхъ отношеніяхъ къ сооруженію счастія ни на что столько не опирается, какъ на законъ естественный, на свои добродѣтели и постановленія гражданскія. Нимало не отъемля у него сихъ опоръ,

проникнемъ нѣсколько въ ихъ силу и крѣпость, чтобъ торжество вѣры и благочестія облечь въ должной имъ блескъ и сіяніе.

Что есть законъ естественный ? То на сердцахъ нашихъ самимъ Жизнодателемъ начертанное правило, по которому разумъ долженъ различать добро отъ зла, полезное отъ вреднаго и истинное отъ ложнаго, а воля избирать и стремиться къ лучшему , величественному и превосходному. Онъ вѣченъ, потому что естественъ; неограниченъ, потому что обязываетъ всѣхъ вообще людей. Самые язычники, неимущіе другаго закона , по отношенію къ нему, *сами себѣ суть законъ; и въ день, егда судитъ Богъ тайная человѣковъ, силъ закономъ судъ пріимутъ* (а).

Но естьли разумъ и воля также неотъемлемы отъ человѣка ; естьли онъ благостію Творца вызванъ былъ изъ небытія въ бытіе съ сими совершенствами , на коихъ явственно былъ напечат-

---

(а) **Римл. гл. 2, ст. 12, 14 и 16.**

лѣнъ (а) образъ Божій ; естьли на все твореніе, по глаголу самаго Творца, наложена печать (б) совершеннаго добра; откуда произошло невѣденіе Бога и добродѣтели, неправда и беззаконіе, ужасъ смерти и отчаяніе? Откуда родилась внутренняя въ человѣкѣ крамола, которая, нерѣдко заставляетъ его вопіять: *окаяненъ азъ! кто мя избавитъ отъ тѣла смерти* (в)? Опыты сихъ событій сколь ни плачевны, но очевидны. Гдѣжъ искать ихъ начало? Оно, слушатели, сокрыто, но не отъ насъ, а въ насъ, — въ растлѣніи естества нашего ; или лучше сказать, оно тотчасъ открылось (г) въ наготѣ человѣка, какъ скоро содѣлался онъ невѣрнымъ къ себѣ и Богу.

Такъ, съ той самой минуты, какъ гордость уничижила въ человѣкѣ образъ Божій и на мѣстѣ святыни и благолѣпія поставила изваяніе порока и мерзость запустѣнія, разумъ погрузился во мракъ невѣжества и заблужденій; воля получила

(а) Быт. гл. 1, ст. 27. (б) Тамъ же ст. 31.
(в) Римл. гл. 7, ст. 24. (г) Быт. гл. 3, ст. 7.

превратное направленіе и обратила (а) сердечные помыслы прилѣжно на злая ; слѣпота чувствъ содѣлалась водительницею разсудка; законопреступныя вожделѣнія учинились пагубными побужденіями страстей ; ярость страстей возмутила жизненные духи къ злой привычкѣ ; злая привычка, какъ бы изъ челюстей адскихъ, изрыгла наглость разврата ; развратъ для усиленія себя вооружился нечестіемъ противъ всего священнаго и убилъ самую надежду на блаженную вѣчность. Такимъ образомъ необузданный порокъ, соединившись съ суевѣріемъ и идолопоклонствомъ, обтекъ вселенную и какъ бы не вмѣщая всегубительныхъ своихъ успѣховъ на земли, наполнилъ, естьли можно такъ выразиться, небо своими богами. *Растлѣся земля предъ Богомъ, и исполнися земля неправды* (б). *Суетни вси человѣцы естественѣ , въ нихже обрѣтается невѣдѣніе о Богѣ ; строителі мїру боги быти возлюбиша* (в). И въ таковомъ состояніи растлѣнія основывать счастіе на законѣ естествен-

(а) Быт. гл. 6, ст. 5. (б) Тамъ же ст. 11.
(в) Прем. гл. 13, ст. 1 и 2.

номъ! — на семъ законѣ, который самъ по себѣ, сколь ни есть святъ и непреложенъ, но человѣкъ паденіемъ своимъ сокрушилъ и попралъ святыя его скрижали.

Но сколько законъ естественный недостаточенъ къ тому, чтобъ при руководствѣ его можно было достигнуть верховнаго счастія на земли, столько и добродѣтели міра по сему предмету слабы и безнадежны.

Добродѣтель тогда токмо стоитъ на незыблемомъ основаніи, когда совершаетъ всѣ свои подвиги изъ любви къ Богу и по отношенію къ вѣчности. Истинный ея любитель и поборникъ долженъ не казаться токмо, но и быть добродѣтельнымъ. Онъ любитъ и міръ, но не для міра, а для Бога. Пріемлетъ почести и хвалы отъ благоговѣющей къ нему признательности; но не для того, чтобъ быть въ очахъ свѣта кумиромъ удивленія, которое безъ истинныхъ заслугъ часто сопровождается презорствомъ, поношеніемъ и клятвою, а изъ единственнаго желанія содѣлать ревность свою

къ благотворенію извѣстною и тамо, куда лучи ея еще не досягали; да кійждо, узрѣвъ сіяніе оныхъ, поспѣшитъ обогрѣть ими сердце свое, изнуренное и оледѣнѣвшее отъ глада и хлада. Да и самъ онъ ввѣренные ему отъ Бога таланты, по благомъ ихъ употребленіи, яко добрый и вѣрный рабъ, возвратитъ Ему съ вящшимъ пріобрѣтеніемъ вѣры и вѣрности!

Правда, міръ хвалится своими добродѣтелями независимо отъ добродѣтелей Евангельскихъ. Онъ мнитъ, что среди всеобщаго растлѣнія нравовъ еще остались невредимы честность и правота, дружба и вѣрность, любовь и ревность къ общему благу, истина и правосудіе, мужество и геройство.

Но всѣ сіи добродѣтели столь же непостоянны, сколько и самый міръ непремѣненъ въ своихъ премѣнахъ. Получивъ бытіе свое отъ корысти, гордости и тщеславія, онѣ дотолѣ имѣютъ въ себѣ нѣчто существенное, доколѣ личныя награды, почести и отличія, которыя свѣтъ имъ приноситъ и украшаетъ,

остаются непремѣннымъ ихъ удѣломъ и достояніемъ. Удалите отъ нихъ всѣ средства и способы къ любостяжанію ; закройте отъ очей ихъ храмъ уваженія и славы: и все священное содѣлается для нихъ призракомъ и мечтою! Они падутъ и сокрушатся , подобно Сампсону , подъ тяжестію того зданія, которое страсти ихъ для себя воздвигали. Они сами себя возненавидятъ, и сами для себя ископаютъ могилу, чтобъ скорѣе въ ней уснуть и исчезнуть.

Что такое были Брутъ и Катонъ, сіи бичи порока , которыхъ языческая древность выставляла на зрѣлище свѣта за образецъ совершенства добродѣтели ? — Лицемѣрные поклонники добродѣтели , или лучше сказать, измѣнники добродѣтели. Какъ скоро жертвенный огнь угасъ предъ идоломъ ихъ корысти и честолюбія: первый изъ нихъ обратилъ самъ на себя оружіе кляпвы , что мнилъ найти въ добродѣтели, что либо существенное, а другой ввонзилъ убійственный мечь въ свою грудь и содѣлался жертвою отчаянія и самоубійства.

Сверьхъ сего добродѣтели міра не только слабы и непостоянны, но даже могутъ быть пагубны. Пусть герою ихъ дадутъ случай и возможность въ заблужденіи народа согласить его честность и правоту съ видами его корысти и тщеславія: онъ не страсти свои будетъ подчинять выгодамъ общественнымъ, но выгоды общественныя своимъ страстямъ; подъ предлогомъ обязанностей гражданскихъ, будетъ искать личной корысти и славы въ подвигахъ исполинскихъ, и какъ скоро доблести воинскія — міръ будетъ считать мужествомъ и геройствомъ; онъ воздвигнетъ брань съ сосѣдственными народами для того только, чтобы содѣлать имя свое незабвеннымъ въ потомствѣ. Но разоряя оные, по необходимости истощитъ и разоритъ и свое отечество. Неронъ и Калигула навсегда пребудутъ на языкѣ человѣчества плетворными кометами, которыя изъ страны въ страну вносили ужасъ и опустошеніе.

Но міръ мнитъ, что по крайней мѣрѣ постановленія гражданскія, независимо отъ вѣры и благочестія, могутъ быть

необоримою твердынею благоденствія народовъ.

Для утвержденія союза общественнаго, для сохраненія тишины, спокойствія, счастія и безопасности каждаго и всѣхъ вообще, необходимо требуется, чтобъ общественная польза была предпочитаема личной и частной пользѣ; чтобъ званія и должности были освящаемы точнымъ ихъ исполненіемъ ; чтобъ безпечность и лицемѣріе не восхищали награды у трудолюбія и заслугъ; чтобъ зловредныя намѣренія и лукавые помыслы были предупреждаемы и воспящаемы; чтобъ пороки и злодѣянія были преслѣдуемы и наказуемы.

Иначе, какъ скоро частная выгода не будетъ подчинена общественной , какъ скоро обязанности гражданственныя останутся безъ исполненія и въ пренебреженіи, какъ скоро заслуги и добродѣтель лишается должной награды и уваженія , а коварство и порокъ подымутъ выю свою безъ наказанія и прещенія: разорвется союзъ общественный; неправда и беззаконіе восторжествуютъ надъ честностію и правотою ; злодѣйство

попереть права человѣчества; бѣдность и нищета безъ призрѣнія и помощи повергнутся въ отчаяніе; вражда заступитъ мѣсто дружбы, ухищреніе и обманъ мѣсто правды и истины и безпорядокъ мѣсто порядка; вся твердыня общества въ самомъ основаніи поколеблется, и общество падетъ или близко будетъ къ паденію. Оно при первомъ покушеніи врага неминуемо содѣлается его добычею. Кто жъ соблюдетъ его отъ таковаго паденія? Постановленія гражданскія.

Такъ, они необходимо нужны для благоустройства и спокойствія общественнаго; потому что награждаютъ заслуги и добродѣтель и истребляютъ порокъ и преступленія; потому что каждому гражданину указуютъ обязанности въ отношеніи къ его званію и должностямъ. Но сколько заслугъ остается въ неизвѣстности! Ибо добродѣтель такъ скромна и безкорыстна, что не домогается ни почестей, ни награды. Сколько содѣвается тайныхъ золъ и преступленій, наносящихъ вредъ и пагубу обществу! а между тѣмъ учрежденія гражданскія и награж-

даютъ и наказываютъ однѣ токмо открытыя и обнаруженныя заслуги и добродѣтели, пороки и злодѣянія. Ктожъ проникнетъ въ сію сокровенность, да воздастъ комуждо по дѣломъ его?—Судія? но и отъ судіи столь же закрыто сердце человѣческое, сколько и отъ всѣхъ насъ. *Приступитъ человѣкъ, и сердце глубоко* (а). *Единъ Господь испытуетъ сердца и искушаетъ утробы* (б).

Надобно, чтобъ любовь къ Богу и упованіе на блаженную вѣчность особенно поддерживали труды и подвиги, приносимые въ жертву обществу; надобно, чтобъ совѣсть, беззаконіями ожесточенная была умягчаема всевидящимъ Окомъ; чтобъ она сознала въ себѣ, что сокрытіе преступленія предъ судомъ человѣческимъ навлекаетъ безконечную казнь предъ неумытнымъ судомъ Божіимъ.

Но таковая сила, потрясающая и управляющая сердцами и принадлежитъ единой вѣрѣ и благочестію.

Христіанинъ заимствуетъ свои добродѣтели отъ совершенствъ Божіихъ.

(а) Псал. 63, ст. 7. (б) Іерем. гл. 17, ст. 10.

Съ какой стороны ни обратится онъ къ Богу, вездѣ созерцаетъ Его присутствіе, Его всевѣдѣніе, Его неограниченную благость, Его вѣчную правду; а посему и повергается предъ Нимъ въ любви, благоговѣніи и страхѣ.

Но съ таковыми понятіями и чувствованіями, что есть гражданинъ? Мирный Ангелъ — земножитель, который всюду водворяетъ веселіе и радость, любовь и согласіе, миръ и блаженство. Подлая корысть не занимаетъ его мыслей, обаяніе самолюбія не плѣняетъ его сердца, страсти не обладаютъ его чувствами; любовь къ ближнему поставляетъ выше всѣхъ похвалъ и почестей; стрѣлы вражіи отражаетъ терпѣніемъ; ненависть побѣждаетъ любовію; злобу попираетъ прощеніемъ обидъ.

Неблагодарный и коварный міръ будетъ ли преслѣдовать его презрѣніемъ и поруганіемъ? Но онъ ничего земнаго не искупитъ измѣною добродѣтели. Его отечество, небо; награда, вѣчность; блаженство, Богъ. При лишеніи всѣхъ чувственныхъ выгодъ, всѣхъ земныхъ благъ,

всѣхъ человѣческихъ надеждъ, не обинуясь скажетъ съ Апостоломъ: *недостойны страсти нынѣшняго вѣка къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (а). *Насыщуся*, о Боже мой! *внегда явитимися славѣ Твоей* (б)!

Естьли добродѣтели его не имѣютъ свидѣтелей на земли: то имѣютъ свидѣтелемъ сердцевѣдца Бога, который откроетъ правду его яко полудне, и возложитъ на главу его вѣнецъ живота.

Но пусть съ душею сего праведника сочетается душа всего общества; тогда отъ взаимнаго ихъ вліянія на судьбу рода какихъ не можно ожидать благотворныхъ слѣдствій! Разботѣютъ пустыни, утучнѣютъ нивы, веси и грады пожнутъ красная, обиліе и довольство проліется по всѣмъ званіямъ и сословіямъ. Въ святилищѣ правосудія мздоимство не уклонитъ мѣрилъ правды; собственность каждаго останется неприкосновенною; судъ и милость будутъ неразлучны; должности общественныя содѣлаются сколь священною, столь и непреложною обя-

---

(а) Римл. гл. 8, ст. 18. (б) Псал. 16, ст. 15.

занностію. Отсюда какая родится ревность и мужество къ защищенію отечества? Горы предъ ними уравняются, врата мѣдная сокрушатся, непроходная превратятся въ пути гладки ; вѣтры и море послушаютъ ихъ ! Врагъ ли на нихъ воспанетъ? но что же и успѣетъ? Гордыня его сокрушится, и благословится покмо Господь въ родѣ своемъ, научаяй мышцы на брань и персты на ополченіе.

Слушатели ! естьли ни законъ естественный, ни добродѣтели міра , ни постановленія гражданскія сами по себѣ не довлѣютъ къ утвержденію благоденствія народовъ ; естьли едина вѣра и благочестіе полагаютъ краеугольный камень въ основаніе счастія обществъ : не поставимъ ли себѣ въ непреложную обязанность души и сердца свои приносить въ жертву живу Господеви?

Но вѣра и благочестіе тогда наипаче объемлютъ всѣ званія и состоянія, когда опливаются на народъ отъ вѣнца Царева.

Россія! любезное наше отечество! ты подъ скипетромъ Великаго во владыкахъ земныхъ, Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ,

ИМПЕРАТОРА и САМОДЕРЖЦА АЛЕКСАНДРА I-го наслаждаешься тѣмъ счастіемъ, которое возноситъ тебя въ величіи, славѣ и благоденствіи превыше всѣхъ царствъ земныхъ. Но кому ты одолжена онымъ, какъ не Вѣнценосному благочестію твоего Повелителя? Пламенная ЕГО ревность къ воинствующей Церкви не свидѣтельствуетъ ли предъ небомъ и землею, что ОНЪ правитъ народъ Свой по сердцу Божію? Великія ЕГО дѣла, дающія ЕМУ право на любовь, признательность и благоговѣніе многихъ странъ и языковъ, дѣлаютъ ЕГО истинно великимъ. Но ОНЪ тѣмъ болѣе великъ, что всю славу ихъ относитъ къ славѣ Божіей.

Царю царей! огради Престолъ Помазанника Твоего, ЦАРЯ нашего вѣрою и благочестіемъ во вѣкъ вѣка! Благослови ЕГО и Виновницу настоящаго нашего торжества, Супругу ЕГО Благочестивѣйшую ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ ЕЛИСАВЕТУ АЛЕКСѢЕВНУ, а купно и весь Августѣйшій ЕГО Домъ благоденствіемъ и долгоденствіемъ! Аминь.

2007465737